

УДК 17,378

**Трансформация этоса профессуры:
цифровизация как контекст кризиса***

Аннотация. Трансформацию этики профессора можно понять только с учетом общего контекста изменений, в которые погружена профессура вместе с системой высшего образования. Таким цивилизационным контекстом является цифровизация, которая порождает весьма неоднозначные последствия: технологические, антропологические, социальные. Учет этих последствий стимулирует поиски нового позиционирования российских университетов в качестве реальных генераторов реальных знаний и умений. Результатом чего и может стать реальный этос профессора – востребованного авторитетного специалиста, морального лидера, воплощающего авторитет научного знания.

Ключевые слова: гуманитарная экспертиза, профессура, университет, цифровизация, этика.

Данный выпуск журнала собирался редакцией вокруг темы «Кризис этики профессора в трансформируемом университете». Авторы проекта исходят из представления о том, что в наше время в трансформируемом (или трансформирующемся?) университете классическая миссия профессорства маргинализируется. При этом, под классической миссией профессорства имеется в виду, во-первых, триада производства, воспроизводства и внедрения научного знания, а во-вторых, моральное лидерство профессора как следствие авторитета научного знания.

Думается, что поиски ответов на вопросы о квалификации и оценке происходящего, о возможности поддержки и удержания «этики профессора» или каких-то ее компонентов, о потенциале такого удержания мерами типа консультирования и разработки неких деклараций – стоит начинать с определения общего контекста социальных изменений, в которые погружена профессура вместе с высшей школой.

* Исследование выполнено в рамках гранта РНФ №18-18-00442 «Механизмы смыслообразования и текстуализации в социальных нарративных и перформативных дискурсах и практиках» в Балтийском федеральном университете им. И. Канта.

Этот контекст во многом, если не полностью, определяется цифровизацией – разработкой и использованием технологий, основанных на идеях дискретности, алгоритмичности, вычислимости, программируемости. Цифровизация – то, что определяет облик современной цивилизации как (в духе Э.Тоффлера [4]) «4-й цивилизационной волны»: компьютерные технологии, информационно-коммуникативные технологии, их применения. Прежде всего, это медиализация в цифровом формате, пронизывающая все сферы современного социума – от бизнеса и политики до искусства и личной жизни, в сочетании с развитием искусственного интеллекта и интернета вещей.

Первоначальная эйфория по поводу «открытого общества», «электронного правительства и гражданского участия», онлайн-образования, возможностей личностной самореализации – довольно быстро сменилась алармом с элементами хорроризации. Как у любого достижения цивилизации, у цифровизации обнаружились неоднозначные последствия, широко обсуждаемые на различном уровне.

В данной работе предлагается попытка систематизация таких негативных следствий и возможностей высшей школы в расширении контекста их осмысления. Задача, как представляется, заключается в том, чтобы «не плакать и не смеяться, а понимать» эти следствия, учитывать их и, расширяя горизонт осмысления перспектив образования, пользуясь потрясающими возможностями цифровизации, идти дальше.

Начнем с главного, весьма неоднозначного общечеловеческого следствия – у нас на глазах формируется, фактически, новая антропология, и это происходит в силу ряда причин. Так, при работе с экраном (монитора, гаджета и т.п.), даже при работе с клавиатурой – активируются только зрительные центры мозга. Префронтальные зоны долей мозга не активируются, что приводит к нарушениям памяти, связности речи и всему тому, что отвечает за наррацию, формирование самосознания. Поэтому и настоятельные рекомендации нейропсихологов – в процессе обучения (и не только!) – почаще читать вслух, писать от руки. В ряде ведущих университетов и в бизнес-тренингах вводятся специальные программы по каллиграфии, игре на музыкальных инструментах, лепке, рисованию. Важны мелкая моторика, писание от руки, устное общение.

Дело усугубляется и тем, что в настоящее время знание все больше (в том числе – в системе образования) понимается как просто информация, данные, а не как информация осмысленная. Нужно же отличать информацию как некую меру разнообразия и знание как осмысленную информацию, что предполагает достаточно серьезную работу с интерпретацией данных. Онлайн-образование, например,

практически сводит все «знание» к обладанию некими навыками по поводу доступа к определенным данным, то есть к какой-то информации. И – не более. Задача не только студента, но и ученого – сформировать или получить доступ к неким данным и воспользоваться алгоритмом их обработки.

Кроме того, дело еще и в скорости, с которой представляются и обрабатываются огромные массивы информации. Эти скорости мозгу не доступны. То, что происходит в цифре, те скорости обработки массивов данных информации – мозгу не доступны.

Раньше много шумели по поводу мозаичного, нелинейного, войлочного сознания. Но у нас на глазах происходит более глубокая трансформация: сознание и самосознание, которое формируется благодаря наррации, рассказам, в том числе о самом себе в первом лице, описаниям переживаний, опыта, заменяется фактически сознанием геймерским. Речь идет о навыках нажимания необходимых опций, то есть: кликать, лайкать, банить, покупать. От человека требуется просто реакция на стимулы. Фактически это новая «животность»: от человека не требуется рефлексия, рассуждение, осмысление, надо уметь нажимать на необходимые опции с нужной скоростью и делать это правильно по алгоритмам, которые даже не им самим и разработаны. Называть это «новой животностью» можно, хотя и с некоторыми оговорками. Не исключено, что это какая-то новая форма осмысления. Но и она не предполагает рассуждения и рефлексии. Это и есть первое и главное следствие цифровизации. Мы имеем дело с новой антропологией новых поколений, а значит – необходимостью фактически уже идущими трансформациями технологии образования.

Непродуманное увлечение цифровыми технологиями вымывает из обучения живое общение, обмен мнениями, обсуждение, обоснование позиции, аргументацию – всего того, что составляет «технологическое» обеспечение этоса профессуры. Овладению алгоритмами и «геймерским» навыком пользования ими обучают не только университеты. С не меньшим успехом, за более короткие сроки, эти навыки приобретаются на различных бизнес-курсах и тренингах, выдающих сертификаты, что весьма устраивает работодателей. Тогда возникает вопрос: нужен ли университет с его растянутой социализацией?

Социальный контекст важен по ряду причин. Прежде всего, это вопросы занятости, профессиональной деятельности, к которой готовят университеты. Роботизация, автоматизация, искусственный интеллект, Интернет вещей радикально трансформируют занятость. К 2025 году исчезнет более пяти миллионов рабочих мест, 40% спи-

ска Fortune-500 прекратит свое существование. К 2030 году официально перестанут существовать 57 ныне популярных профессий [3]. Занятость выдавливается в сферу свободного времени, о котором классики марксизма говорили как о мериле расцвета сущностных сил человека [2, 186]. Однако на деле, похоже, реализуется не столько марксова утопия, сколько – новая рента свободного времени, благодаря прекарному труду, фрилансу, когда ты сам за все отвечаешь: и за свою переподготовку, и за повышение квалификации, и за охрану труда... При этом ты как, например, в «Орифлейм» работаешь днем, ночью, сидя в кафе, готовишься, ищешь клиентов, заключаешь сделки... Получается, что свободное время втягивается в зону эксплуатации и снятия с тебя дополнительной ренты. А работодатель не отвечает за все то, за что боролись профсоюзы: за охрану труда, гарантии, социальный пакет... Все это, практически, обесмысливается. Вся стрелка ответственности переводится на самого работника. И рента берется с тебя уже как с человека вообще, просто как с такового. Это очень похоже на следующую стадию развития капитализма – бесчеловечной и античеловечной схемы самовозрастания капитала. А благодаря цифровизации и Интернету вещей владельцу капитала абсолютно все равно кто выполняет работу – человек, машина или какая-то система. Поэтому бесчеловечная и античеловечная система капитализма получает цифровое воплощение. А норма эксплуатации возрастает и возрастает.

На этом фоне возникают новые неравенства – не только в плане компетентности в информационных технологиях или доступа к данным, по степени включенности в сети. Во-первых, это простые пользователи, нажимающие на опции, алгоритмов не ими разработанных, о которых шла речь ранее. Во-вторых, это разработчики. Недаром Борис Гройс заговорил о революции сисадминов [1]. Действительно, появились странные люди типа Ассанжа, Сноудена, хакеры с непонятной политической мотивацией. Однако, в-третьих, кто бы эти программы и алгоритмы ни создавал, за ними стоят собственники – т.е. для кого они были разработаны, кто будет снимать образующуюся сетевую ренту.

Поэтому, в сочетании с упоминавшимся фактором изменения занятости, происходит вымывание среднего класса – оплота буржуазного общества модерна. И по этому поводу за рубежом уже ситуация, близкая к панике [5].

В эту же систему по полной программе вписывается и профессура, во все большем масштабе переводимая на годовой режим найма. При этом оценка труда научно-педагогических работников делается по данным наукометрии их публикационной активности: коли-

чество публикаций в высокорейтинговых научных журналах, индексируемых в международных базах данных, квартиль этих изданий, индекс цитируемости автора и т.п. Содержание публикаций не интересует никого. Главное – наукометрия и формальные реквизиты публикаций. Возник и бурно развивается коммерческий рынок соответствующих услуг – платных публикаций в изданиях, формально отвечающих наукометрическим требованиям. В результате, нарастает вал мусорных, никому не нужных публикаций, девальвируется собственно научная деятельность, ее авторитет. Мемами стали выражения типа «британские ученые», «эксперты Вышки».

А еще преподаватель должен привести в родной университет гранты и хоздоговорные работы на сумму не ниже оговариваемого уровня. И это в сочетании с все возрастающей учебной нагрузкой и запредельным валом бюрократических инноваций, связанных с той же цифровизацией: введением учебных программ в постоянно изменяющиеся форматы, введением данных по читаемым курсам в электронные системы и т.п., что отнимает уйму времени и сил. Профессор превращается в придаток к этой системе – того же «нажимателя» опций.

Таким образом, приходится признать, что в современном социуме радикально меняется позиционирование профессуры. И в этой трансформации доминирует тенденция снижения социальной значимости, признания и уважения. Есть ли возможности сменить тренд девальвации на хотя бы кризисный, т.е. очищающий, дающий новые возможности развития?

Постепенно, но все более отчетливо становится ясным, что специфической особенностью человеческого вида *Homo sapiens* является не просто сознание, как способность мыслить, осознавать себя и Другого – качество, формируемое вследствие социального взаимодействия и программирования (социализации). Такой процесс инсталляции алгоритмов моделируем в искусственных системах. Моделируем и воспроизводим. Хотя бы потому, что в этом случае речь идет о сознании «в третьем лице».

Однако, похоже, главное – не просто феномен сознания, а наличие субъективности, которая сопровождает сознательное содержание субъекта, другими словами – контент самой субъективности «в первом лице», эмоционально окрашенные переживания. Вероятно, что именно это выделяет человека среди других субъектов деятельности, которые могут появиться в будущем (андроиды, репликаны, и т. д.).

Во все времена личность могла быть недовольна своим местом в мире, стремилась к его изменению, смене своей социальной пози-

ции. В традиционном обществе средства для решения этой задачи были довольно ограничены: это могла быть узурпация чужой позиции, ее маркировка именем с целью изменить к себе отношение окружающих; затем изменение социального статуса, а потом – и роли. В наши дни подобное стремление предполагает изменение себя, своей собственной самоидентификации, построение себя-другого. В настоящее же время активно формируется новая персонология, в которой, как уже было сказано, личность во все большей степени предстает как проект, или даже – как серия проектов.

Преимущество человека видится в его слабости. Он устает. Конечен в пространстве и времени, и осознает это... Эмоции, которые выступают не просто и не только источником смыслообразования. Человек может быть доволен, но чаще – не доволен. Он привыкает к рутине, но при этом – все время хочется «чего-нибудь такого». Это не просто цели – машина может формулировать цели на какой-то ценностной шкале. Но выйти за пределы шкалы для машины – это сбой в программе. У человека сбой – постоянно, хотя бы в воображении, хотя бы из рессентимента. «Когда б вы знали из какого сора...».

Это как в менеджменте – надо уметь из минусов делать плюсы. Так, кризис создает исключительные возможности реорганизации, нововведений. Чрезвычайное происшествие – при достойном поведении – работает на позитивное общественное мнение, репутацию. Скандальная ситуация – опять же при достойном поведении – способствует известности, узнаваемости, позитивному имиджу. Так и человеческие, вроде бы, слабости дают некоторые преимущества перед оцифрованным искусственным интеллектом. По крайней мере до тех пор, пока не будет создана система автономная, конечная в своем существовании, осознающая это, переживающая это, стремящаяся и способная выйти за горизонт сущего.

Пока же таким существом способен быть только человек, живущий в обществе – в качестве личности, которая есть центр, в котором реализуется, находит себя социальный опыт, а поступки личности в конечном итоге есть единственный путь реализации и развития этого опыта. Самореализация человека социальна, а социальное прорастает и реализуется только через самореализацию личности. Иначе говоря, социальное прорастает и реализуется только через действия членов социума. С точки зрения общего социально-культурного развития личностный аспект можно рассматривать как индивидуально реализуемую, но социально значимую пробу возможных вариантов самоизменения человеческого опыта. Все личностное

служит, в итоге, практической пробой социального на его состоятельность.

И этот личностный аспект, роль самосознания, осмысления «от первого лица» выходит на первый план. Пока отечественные университеты занимаются форсированной цифровой дрессурой студентов и преподавателей, натаскивая их на «геймерские» навыки, в серьезных университетах и в серьезных аналитиках делают акцент на soft skills – на критическое мышление, размышления, рефлексии, способность к развернутой дискуссии, аргументации, постановке и решению проблем в коллективе. Все больше и больше внимание в бизнес-школах уделяется активной коммуникации офлайн, общению глаза в глаза, обсуждению реальных проблем, способности к переговорам, ведению диалогов, креативности, нестандартности в принятии решения. Конечно же, необходимы и технологические навыки, но обязательны и открытость мышления, способность понимать и адаптироваться к другим людям. В продвинутых компаниях, занимающихся электронной коммерцией, в IT-компаниях ищут людей, которые обладают не только и даже не столько hard skills (AI, BD, IoT, blockchain), которым можно научить, а именно тех, кто способен к выходу в контекст, в некую новую позицию. Без этого креативность и развитие невозможны.

Другими словами, перспективы для самосознания в первом лице существуют, а в чем-то и выходят на передний план. Это ставит задачу институционализации гуманитарной экспертизы не только последствий цифровизации, но и разработок новых технологий, а также хода их реализации, внедрения. На всех этих этапах человеческий капитал становится ведущим фактором.

Но в такой ситуации должен меняться формат университета. Образование должно вестись на фронтире научных разработок фундаментального и прикладного характера, в которых профессора вместе со студентами решают реальные проблемы в проектах как инициативных, или по заказам бизнеса, государства. Наверное, для этого назрело и объединение университетов с академической наукой, зависшей таким облаком. Собственно, именно в такой модели интеграции науки и образования давно работают ведущие университеты мира. Да и все равно такая интеграция осуществляется де факто в «ползучем режиме» – российские «академические» ученые совмещают преподавание в университетах. А университетская профессура конкурирует с ними за гранты на близкой тематике и за гроши подрабатывает в других, иногда весьма странных вузах.

«Этика профессора» нуждается не в декларациях, а в реальном позиционировании профессуры в российском обществе. Изму-

ченый оцифрованным бюрократическим контролем, мечущийся в поисках источников существования профессор не может вызывать уважения у студентов, понимающих, что их будущее никак не зависит от получаемого ими «образования», и уже со второго года обучения ориентируются не столько на формальное пребывание в стенах университета, сколько на поиски работы и саму реальную работу.

Поэтому – вопрос не только в социальном, социально-экономическом позиционировании профессуры, но и позиционировании высшей школы как таковой, если не образования в целом. И – спасибо цифровизации! Ее неоднозначные последствия вынуждают поиски нового формата высшей школы, позиционирующего университет как реальный генератор реальных знаний и умений. Результатом чего и может стать реальный этос профессора – востребованного авторитетного специалиста, морального лидера, воплощающего авторитет научного знания.

Список литературы

1. Гройс Б. О новом. Опыт экономики культуры. М.: Ад Маргинем пресс, 2015. – 240 с.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 2. М.: Политиздат, 1955. – 652 с.
3. Петрова Ю. В ближайшие десять лет лишними на работе станут 400 млн человек. // <https://future.vedomosti.ru/job/v-blizhaishie-desyat-let-lishnimi-na-rabote-stanut-400-mln-chelovek> (Дата доступа 06.09.2019)
4. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2004. — 781 с.
5. Under Pressure: The Squeezed Middle Class. Paris: OECD Publishing, 2019. – 41 p.